

И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу другомъ;
И, проскакавъ тѣнистую дубраву,
Онъ различилъ огно; огно и домъ;

Страннаго или радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ.

18.

Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день;
На западѣ свѣтло вилитъ взоръ
И на востокѣ близкой ночи тѣнь,
Внизу туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ все горы чудной высоты,
Какъ послѣ бури облака, стоятъ,
И странные верхи въ лучахъ горятъ.

19.

И сердце полно, полно прежнихъ лѣтъ,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводить въ жизнь минувшаго скелетъ,
И въ немъ почти все та же красота.
Такъ любимъ мы глядѣть на свой портретъ,
Хоть съ нами въ немъ ужъ схода больше нѣтъ,
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей,
Погаснувшихъ отъ время и страстей.

20.

Что въ землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ свѣжнихъ горъ?
Не переживитъ ихъ вадменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Тошн. и молній обвиваетъ дугъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

21.

Печаленъ стени видъ, гдѣ безъ пренощъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій акционъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчается взгляды березы двѣ или три,
Которыя подъ синевагой милой
Черкуютъ вечеромъ въ дали пустой.

22.

Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
Въ минувшее проникнуть, различить
Въ ней мало дѣла мы можемъ; въ цѣлѣ лѣтъ
Она души не будетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значить отдыхать.

23.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что жъ? Мнѣ жизнь какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить что-то. Жажда бития
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя и презираю жизнь другихъ.

24.

Есть время—леденѣть быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усиленные думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ.
И небо обвинять нельзя ни въ чемъ.

25.

И въ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его бѣ не могъ.

Онъ ищетъ мость... но сломанъ старый мость,
Рѣка темна, и шумны, шумны воды...

Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ

Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Она такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтится могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

26.

Никто не получалъ, чего хотѣлъ
И что любилъ; и если даже тотъ,
Кому счастливый небомъ данъ удѣлъ,
Въ умѣ своемъ минувшее пройдетъ—
Увидитъ онъ, что мость счастливый быть,
Когда бы не умѣла отравить
Судьба его надеждъ. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна.

27.

Когда гонима бурей роковой
Шинить и мчаться съ тѣною своей...
Она все помнить тотъ залилъ родной,
Гдѣ пѣжилась въ прѣотахъ камышей,
И, можетъ быть, она опять придетъ
Въ другой заливъ, но тамъ ужъ не найдетъ
Себя покоя: кто въ моряхъ блуждалъ,
Тотъ не заснетъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ.

28.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И груди ранная на мнѣ печатъ;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный мѣръ не долженъ знать.
И не забыть умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

29.

Всѣ!.. нѣтъ, не всѣ!.. Созданье есть одно,
Способное любить—хоть не меня;
До этихъ поръ не вѣритъ мнѣ оно,
Однако сердце полное огни
Не увлечется нищѣмъ, и мое
Пророчество припомнитъ умъ ей,
И взоръ, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30.

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой
И любовныствомъ приведетъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станеть иногда.

31.

И скажешь, отчего не нонялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себя друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду снова не привелъ?
Онъ былъ ей достоинъ.—И печаль
Его встретишь, онъ посмотритъ вдалѣ:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и блугущій челькъ.

32.

И мой курганъ.—Любимыя мечты
Мои подобны этимъ: сладость есть
Во всемъ, что не болѣло; есть красота
Въ такихъ картинахъ—только перенести
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда разбѣгомъ словъ не стѣснена,
Когда свободна, какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей.